

«УТВЕРЖДАЮ»

ректор ФГБОУ ВО

«Ульяновский государственный педагогический университет

им. И.Н. Ульянова»

И.О. Петрищев

9 сентября 2020 года



ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ –
УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени И.Н. УЛЬЯНОВА –
НА ДИССЕРТАЦИЮ РЕЦОВА ВАСИЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧА
«ОБРАЗ ТВОРЦА И КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА В АВТОРСКОЙ
МИФОЛОГИИ И.А. ГОНЧАРОВА»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.01.01 – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Творчество И.А. Гончарова неизменно привлекает внимание литературоведов, открывающих новые аспекты исследования. Между тем остаются проблемы, не получившие достаточного освещения, обнаруживаются малоизученные страницы гончаровского наследия. В диссертационной работе В.В. Рецова представлен особый ракурс изучения произведений писателя: «Образ творца и концепция творчества в авторской мифологии И.А. Гончарова».

Сразу же следует отметить, что такой подход вполне оправдан и даже закономерен, т.к. этот угол зрения во многом задан самим писателем, а, кроме того, обусловлен одной из принципиальных проблем всего гончаровского творчества и связан с осмыслением особенностей литературного процесса в России середины XIX столетия: взаимодействием романтического и реалистического направлений. Это, бесспорно, актуальный, многосторонний и плодотворный подход.

Во Введении диссертант верно формулирует «два ключевых вопроса», ответ на которые даст представление о присущих Гончарову специфических

принципах мифологизации, что важно для структуры всего исследования, а именно: как «мифология» Гончарова была обусловлена литературными тенденциями и насколько она согласовывалась с его представлениями о сущности творческого процессе и творческой личности.

Существенно также, что автор диссертации сразу же указывает на определяющий момент писательской мифологии Гончарова: осмысление творческого процесса и творческой личности как «мифотворческого созидающего начала» (с. 6). Принципиально важна мысль диссертанта о привнесении в эту сферу результатов гончаровского самоанализа (с. 7).

Если предшествующие исследования были направлены главным образом на фиксацию образов мировой культуры в произведениях Гончарова, то В.В. Рецов углубляется в изучение мифологической и литературной родословной героя-творца, в сферу переосмысленной автором традиционной образности и символики. Диссертант стремится к решению сложной задачи – к «постижению эстетического содержания авторской мифологии, ее принципов и закономерностей» (с. 8). В этом заключается новизна исследования.

Первая глава диссертации посвящена гончаровскому восприятию проблем творчества и образа творца, а также философским основам эстетики Гончарова. Авторская мифология Гончарова, как показывает исследователь, формировалась под влиянием немецкой эстетики, где сложился пиетет к автору-творцу (с. 16). Подчеркивая, что проблемы творчества и творческой личности были центральными в эстетике романтизма, В.В. Рецов приводит мнение Шеллинга о том, что «художник призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира» (с. 29).

Рассматривая наследие Гончарова как целостный художественный мир, объединенный индивидуальной авторской мифологией, В.В. Рецов сосредоточивает свое внимание на образе творца, художника, на соотношенности между героями Гончарова (в произведениях разных жанров) и собственно повествующим (т.е. с очеркистом, рассказчиком, повествователем, автором как одним из героев) (с. 15), т.е. с личностью, не просто наделенной

созидательным потенциалом, но и реализующей его в своих творениях. При этом сделано принципиальное наблюдение: когда герой исчезает из сюжета или отступает от творческого начала, произведение получает художественное завершение, благодаря образу повествующего (или автора). Подчеркнута роль повествователя и его значение в образной системе произведения, в воссоздании авторского мироощущения.

Другими словами, необходимыми составляющими творчества являются не только поэтическое мировосприятие, вдохновение, но и созидательный труд. Следует признать такой подход вполне логичным и продуктивным. Важно, что герои Гончарова «тогда не реализуют свой творческий дар, когда не способны к труду “упорному”» (с. 21). Творческий путь писателя был связан с поисками деятельной личности, обладающей в то же время художественным видением действительности. Особенно ценно, что отмеченные предшественниками Гончарова формулы «жизнь-суета» и «жизнь-покой» дополнены в работе формулой – «жизнь-творчество».

В.В. Рецов тонко подмечает автобиографическое начало в этих устремлениях писателя. Как не вспомнить здесь слова А.В. Дружинина о Гончарове: «Он реалист, но его реализм постоянно согрет глубокой поэзией; по своей наблюдательности и манере творчества – он достоин быть представителем самой натуральной школы, между тем как его литературное воспитание и влияние, поэзии Пушкина, любимейшего из его учителей, навеки отдаляют от г. Гончарова самую возможность бесплодной и сухой натуральности».

Тщательно прослежена В.В. Рецовым роль традиций романтиков в ранних произведениях Гончарова. При этом автор диссертации считает, что романтические образы не имели у Гончарова характера штампа. Диссертант утверждает, что Гончарова нельзя рассматривать как борца с романтизмом (с. 46). Существенна и конструктивна следующая мысль: так же, как у романтиков, бесплодный отрыв от реальности, иллюзорность пустых мечтаний, окрашены у Гончарова явной иронией.

Совершенно справедливо указывается в диссертации, что важно ощутить всю тонкость гончаровской иронии и что, вслед за Шлегелем, Гончаров считал иронию необходимым свойством произведений (с. 32), обеспечивающим возвращение к идеальному началу, если оно поколеблено (Как известно, наиболее близок писателю был идеал «прекрасных соразмерностей»).

Достоинством работы является отмеченная связь авторской мифологии с жанром произведений Гончарова и со сменой культурно-исторических эпох, что особенно значимо в теоретическом аспекте.

Тонко прослежены многочисленные образные соотнесения, вплетенные в канву гончаровского повествования, прежде всего, многогранная символика сна.

В плане восприятия Гончаровым традиций русской классики особую глубину работе придают отсылки к проблеме творческой личности у Пушкина (близкие автору герои наделены поэтическим талантом).

Во 2 главе («Авторская мифология И.А. Гончарова как художественное единство») В.В. Рецов, отметив невозможность для Гончарова развивать постулаты «натуральной школы», подчеркнув специфический способ писателя художественно обобщать и типизировать явления действительности, выявил причины использования Гончаровым вполне определенных образов, проанализировал их сложную, изменчивую символику, определил их роль в формировании художественного единства творений писателя, прояснил избирательность писателя в отношении «вечных образов».

Примечательные результаты дает рассмотрение авторской мифологии в аспекте жанра путешествия, поскольку верность фактам придает новизну и свежесть традиционным образам природы, которые приобретают нетривиальный смысл. Автор диссертации дает в итоге взвешенную формулировку: писатель «ироничен по отношению к крайностям литературы факта, не разделяя и иллюзий псевдоромантиков» (С. 123). В.В. Рецов абсолютно прав в своем выводе: в описаниях природы Гончаров представляет и

поэтическую, и бытовую стороны (с. 125), он способен воссоздать как поэзию покоя, так и вечного движения.

В 3 главе («Проблема деятельной творческой личности в мифологии Гончарова») выявлено наличие лейтмотивных амбивалентных мифологем, которые создают образную и сюжетно-композиционную общность гончаровских творений (с. 133). Кроме того, сделано важное наблюдение: феномен творческой личности интересует Гончарова в аспекте утраты поэтических свойств души, что проявляется в образах заходящего солнца, угасающего огня, иссякающей духовности. При этом закономерно поставлен вопрос о том, почему переходящий из произведения в произведение образ огня, с его созидательной и разрушительной силой, занял столь значительное место в художественном сознании Гончарова.

Взаимоотношения автора и героя – магистральная тема рассуждений диссертанта. Очень верно замечено, что в авторе как творческой личности, в отличие от его героев, присутствует аналитическая ирония, способствующая самосознанию и самосовершенствованию.

Весьма перспективна замеченная исследователем сценичность гончаровского повествования: «Устраняясь, как в драме, автор усиливает юмористичность демонстрацией различных мнений и взглядов участников диалога» (с. 137).

Верно указано диссертантом, что творческое начало в Обломове сосредоточено только в снах и грезах, и, поскольку у него отсутствует творческая деятельность, то нет и личностного совершенствования.

Ценно наблюдение, что свойство одаренной личности в Штольце явлено самим рассказом о жизни друга, однако этой свойство не растет в нем, не развивается, в итоге в этих героях происходит минимализация духовного (с. 155).

Значимо также указание диссертанта на то, что автор в «Обломове» выступает как знакомый героя (Штольца). В продолжение пушкинской

традиции, это изменяет модальность обеих данностей – и вымысла, и реальности. Написанное приобретает статус правды, истины.

В диссертации прослежена писательская эволюция Гончарова, проявляющаяся в изменении отношения к романтической традиции, а также в повышении сюжетно-композиционной роли женского начала как плодотворного в жизни художника, как способствующего его пробуждению (с. 174)

Продуктивна сама постановка вопроса о позитивной составляющей Райского-художника, о его типичности, а также о роли образа автора в романе. В.В. Рецов прав, говоря, что отказ от автобиографизма не абсолютен в романе и что содержательность героя обусловлена личными свойствами Гончарова-автора и его восприятием искусства как житнетворчества, той бытийности, в которой он осуществляется субъектом «высшего по типу бытия» – творчества [203, с. 13].

Уместно приведены слова Веры: «Он не романтик, а поэт, артист» (с. 182). С этим связан и вывод диссертанта: «Гончаров двойствен в своем отношении к определению “романтизм” которое известно современникам писателя» (183). Гончаров, в отличие от своего героя, понимает необходимость труда для творчества, а не только страсти или воображения. Что же касается Райского, то деятельное начало в нем проявляется, по-видимому, «в созидании самого себя» (с. 198). Этим обусловлена и гончаровская ирония, направленная на неполноту проявлений творческого дара или его нереализованность» (с. 200). Вывод диссертанта совершенно справедлив: «Гончаров противоречив в определении реальных основ образа Райского...» (с. 201).

Автор диссертации прав, приводя свидетельство противоречивости Гончарова в определении им Райского как художника-дилетанта, как Обломова в искусстве. Ирония, обозначенная многоточием перед названием жанра сочинения, обнаруживает восприятие автором Райского как незадачливого сочинителя» (с. 173). Однако диссертант считает, что дилетантизм Райского показан как преодолимый.

Убедительно показано, что Райский близок автору и в то же время отличается от него результатами своей деятельности. Попытки Райского создать что-либо остаются незавершенными. Для Гончарова творчество неотделимо от каждодневного труда, от деяния, что и позволяет «окончить труд многолетний». Вывод диссертанта верен: созидая творческая личность — так видел Гончаров характер героя своего времени и так он отвечал на главный вопрос эпохи «Что делать?».

Неоспоримым достоинством диссертации является широкая осведомленность ее автора в новейших публикациях по близкой тематике, осмысление и развитие тех результатов, которые были достигнуты учеными к настоящему моменту, весьма уместны также приведенные из гончаровских текстов цитаты. В работе четко и детально, с учетом эволюции, вырисовывается ценностный мир, эстетические принципы и нравственная философия писателя. Итоговые суждения сформулированы взвешенно, без крайностей.

Однако проблема, рассматриваемая диссертантом, сложна, неоднозначна, и потому не предполагает исчерпывающих ответов на все поставленные вопросы. Видимо, поэтому в работе имеются некоторые положения, с которыми трудно согласиться.

Думается, что вряд ли правомерно заключать наследие Пушкина, Лермонтова, Гоголя в рамки романтизма (см. с. 48, 50, 53 диссертации). Сам материал исследования сопротивляется этому.

Нет сомнения в том, что Гончаров был убежден в ограниченности художественных возможностей «натуральной школы». Приводимый ряд определений, даваемых Гончаровым понятию «реализм», основанному на культе факта (с. 5), доказывает неприятие писателем подобного направления в искусстве слова. В.В. Рецов прав также, что в 60-е годы Гончаров «остро чувствовал кризисность десятилетия в целом и недостаточность сугубо реалистического метода для ее воссоздания». Но может быть, более уместно говорить не о романтизме Гончарова (в терминологическом смысле), а о

романтических мотивах, о поэтическом, идеальном начале его реалистического творчества как новом витке литературного процесса? Ведь особенностью пушкинского «магического реализма» (как определяют его В.В. Маркович и Ж. Бло) является именно обретение идеала в реальности, ее поэтизация. Кроме того, всё же небезосновательны и небеспочвенны были, по-видимому, суждения исследователей об антиромантической направленности ранних произведений Гончарова. Диссертанту порой приходится спорить с самим писателем.

Недостаточно аргументирована, на наш взгляд, постановка проблемы творческой личности на материале ранних повестей Гончарова.

Что касается характеристики Обломова, то ясность души, нежность и т.д. отнюдь не абсолютны для творческой личности, скорее, наоборот. Неожиданно звучит в контексте рассматриваемой проблемы определение Обломова как «русского барина», «лежебоки». Неясно также, имеют ли отношение традиции «высокого романтизм» к обломовскому «безволию», обусловленному, как сказано в диссертации, «веками крепостничества» (с. 161).

Часто используя применительно к героям романов Гончарова термин «тип» («преобладающее внимание к реальному не способствовало созданию типов», с. 86), диссертант не дает его определения и часто «забывает» о том, что писатели «натуральной школы» (которая порой заменяется у диссертанта понятием «натурализм») тоже создавали типы, однако в ином смысле, что следовало бы отметить. У историков русской литературы термин «типизация» используется как свойство «натуральной школы», о чем упоминает и сам автор диссертации.

Вероятно, автору диссертации следовало пояснить во Введении, в каком именно смысле он употребляет понятия «романтизм», «реализм», «тип».

Еще замечание. На с. 152 читаем: «Прежде, чем умереть, Обломов утрачивает способность восприятия жизни как поэзии. Перед его глазами мелькают локти вдовы Пшеницыной». Вряд ли можно безоговорочно утверждать, что поэтическое начало отсутствует в образе Агафьи Матвеевны. Ведь именно ее облик дает возможность заглавному герою, наделенному художническим видением действительности, испытать вдохновение

живописца, рисовальщика («Хоть сейчас нарисовать!») – говорит он о непокладных руках хозяйки дома на Выборгской стороне, личности, безусловно, деятельной и способной на глубокое чувство.

Кроме того, было бы неплохо разобраться в том, почему Райский (которого диссертант соотносит с автором самого романа) в конце концов обращает свой взор к пластическому искусству, к скульптуре? Какой художественный смысл придает Гончаров этому выбору? Возможно, это связано с мифом о Пигмалионе? Однако постоянные метания Райского от одного вида искусства к другому не есть ли убедительное доказательство его явного непрофессионализма?

Впрочем, имеющиеся в диссертации противоречия обусловлены самой художественной природой гончаровского творчества и отнюдь не отменяют полученных результатов исследования.

В.В. Рецовым выявлены пути формирования индивидуально-авторской мифологии в творчестве Гончарова, подробно проанализирована мотивная структура его произведений в аспекте поставленной проблемы, прослежены пути преемственности между Гончаровым и его предшественниками, выявлены новые принципы связи между гончаровскими творениями разных жанров. Определен ключевой момент писательской мифологии Гончарова: осмысление творческого процесса и творческой личности как мифотворческого созидającego начала. Весьма существенно и итоговое заключение, где говорится следующее: «Определив состояние “пробуждения” в “переходную” эпоху как осуществление творческого осмысления бытия, показав на основе развития архаической и мифологической образности значимость творчества и личности творца, Гончаров создал эстетически содержательную авторскую мифологию» (с. 208).

Возникающие вопросы и замечания лишь указывают на возможность дальнейшего изучения проблемы и новых открытий. Диссертационное исследование привлекает не только достигнутыми результатами, но и перспективами изучения.

Таким образом, диссертационное сочинение В.В. Рецова «Образ творца и концепция творчества в авторской мифологии И.А. Гончарова» представляет собой актуальное самостоятельное новаторское исследование важной проблемы современного гончароведения.

Работа обладает научной и практической значимостью и будет востребована в дальнейших ученых разысканиях и в практике вузовского преподавания.

Автореферат и опубликованные статьи автора в должной мере отражают содержание диссертации.

Таким образом, диссертация «Образ творца и концепция творчества в авторской мифологии И.А. Гончарова» соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении учёных степеней», а ее автор – Рецов Василий Вячеславович – заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен профессором кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова доктором филологических наук, профессором Сапченко Любовью Александровной и утвержден на заседании кафедры 24 августа 2020 года (протокол № 15).



Заведующий кафедрой русского языка,
литературы и журналистики УлГПУ имени И.Н. Ульянова
доктор филологических наук, доцент Владимир Николаевич Артамонов